

Научная статья
УДК 94
DOI 10.46698/u6272-2447-0676-m

Л.А. Чибиров

В.И. Абаев об особенностях нартовских сказаний осетин

Людвиг Алексеевич Чибиров

Владикавказский научный центр РАН, Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им В.И. Абаева, отдел этнологии, заведующий отделом, профессор, доктор исторических наук, Россия, Владикавказ, L.chibirov@mail.ru

Аннотация. В трудах В.И.Абаева содержится подробное исследование вопроса. Ученый вскрывает причины межнациональной ареальной общности и близости эпосов, наличия в нартовских сказаниях как общих элементов, так и существенных особенностей в каждом варианте. Отдельные особенности нартовских сказаний осетин были отмечены в работах М.С.Туганова (изображение жизни народа от начала до конца), И.В. Джанаева (эпопея всего народа, а не отдельного героя, изображение жизни во всей ее красе), Г.З. Калоева (обилие самостоятельных сюжетов, четкость композиции и т. д.). Сравнивая осетинский эпос с адыгским, В.И.Абаев отметил основную характерную особенность: осетинским сказаниям присущи признаки родового строя и военной демократии, для кабардинских – признаки феодальных порядков. Ученый акцентирует внимание на неоспоримых особенностях осетинских сказаний, касающихся содержания, форм сказаний (поэтическая и повествовательная), высокого художественного достоинства. Судя по основополагающим трудам известных нартоведов, формирование основного ядра нартовского эпоса произошло в мире северо-иранских племен скифов, сарматов и алан.

Ключевые слова: нарты, эпос, особенности, форма, содержание, художественные достоинства

Для цитирования: Чибиров Л.А. В.И. Абаев об особенностях нартовских сказаний осетин // Вестник Владикавказского научного центра. 2025. Т. 25. № 4. С. 57–63. DOI 10.46698/u6272-2447-0676-m.

V.I. Abaev on the features of the Nart tales of Ossetians

Ludwig A. Chibirov

V.I. Abaev North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies of VSC RAS, Department of History, Dr., Professor, Vladikavkaz, Russia, L.chibirov@mail.ru

Abstract. V.I. Abaev's works contain a detailed study of this issue. The scholar reveals the reasons for the interethnic areal commonality and similarity of the epics, the presence of common elements and similarities in the Nart tales, as well as significant differences in each version. Certain features of the Ossetian Nart tales have been noted in the works of M.S. Tuganov (the depiction of the people's life from beginning to end), I.V. Dzhanayev (the epic of the entire people, not of an individual hero, the depiction of life in all its glory), and G.Z. Kaloev (the abundance of independent plots, the clarity of position, etc.). Comparing the Ossetian epic with the Adyghe, V.I. Abaev noted the main characteristic: the Ossetian tales are characterized by a tribal system and military democracy, while the Kabardian tales are characterized by feudal systems. The scholar emphasizes the undeniable characteristics of Ossetian tales, including their content, forms (poetic and narrative), and high artistic merit. According to the seminal works of renowned Nart scholars, the core of the Nart epic developed in the world of the northern Iranian tribes of the Scythians, Sarmatians, and Alans.

Keywords: Narts, epic, characteristics, form, content, artistic merit

For citation: Chibirov L.A. V.I. Abaev on the features of the Nart tales of Ossetians // Bulletin of the Vladikavkaz Scientific Center of RAS. 2025. Vol. 25. No. 4. P. 57–63. DOI 10.46698/u6272-2447-0676-m

Нет ни одного кардинального, мало-мальски важного вопроса в изучении нартовских сказаний, по которому бы не высказал свое компетентное, научно аргументированное суждение один из корифеев нартоведения Василий Иванович Абаев. Не является исключением и вопрос, поднимаемый в данной статье, – особенности эпического массива разных версий Нартиады, в

частности осетинских нартовских сказаний.

Прежде чем перейти к оценке вклада В.И. Абаева в исследование рассматриваемой проблемы, весьма желательно краткое знакомство с суждениями других ученых по данному вопросу.

Первым к затрагиваемому вопросу обратился автор выдающихся картин-шедевров о нартовском эпосе М.С. Туганов, зарекомендовавший

себя и прекрасным этнографом и нартоведом. В своей известной статье «Кто такие нарты», говоря о наличии версии нартовских сказаний у целого ряда народов Кавказа, М.С. Туганов вместе с тем подчеркивал, что «ни один из них не знает ни начала, ни конца нартов, не говорит о том, где и как родились нарты, кто жил до них и кто после, тогда как у осетин излагается все от начала до конца» [10, с. 372].

В 1941 г. небольшую книгу об осетинских нартовских сказаниях издал выдающийся осетинский поэт и нартовед И.В. Джанаев (Нигер), в которой подчеркивается одна из характерных особенностей осетинских сказаний. Как он пишет, в эпосе других народов повествуется об одном герое или об отдельных героях. В отличие от них в нартовском эпосе осетин героем является весь народ («нартовский народ») [6, с. 30–31].

Безусловно, это существенное отличие. Действительно, в сказаниях осетин действует целая когорта выдающихся героев, каждый из которых является своеобразным Давидом Сасунским. Тем не менее сказания строятся не вокруг отдельного героя, а всего нартовского народа; каждый из героев выступает от имени всего народа, защищает общие интересы нартовского общества и не представляет своей жизни без породившего его народа.

Ярче всего эти настроения выразил выдающийся нарт Сослан. Когда возлюбленная Косер сказала ему, что не может жить среди нартов и предложила жить в ее чудесной башне, нарт ответил: «А я не смогу так жить! Без нартов мне жизни нет. Без нартов пища и напитки лишены для меня вкуса. Если я не буду участником в радостях и невзгодах нартов, то мне жизнь не в жизнь» [11, с. 160]. В другой раз, согласившись с риском для жизни пасти скотину нартов, он говорит: «Лучше я погибну, чем все нарты» [11, с. 144]. И еще один пример. Оказавшись в седьмом подземелье, Сослан попал к чертям, и за оказанные им услуги глава чертей Елтаган предложил остаться с ними жить, обещая ему руку одной из дочерей и богатые дары. Поблагодарив его за честь, Сослан ответил повелителю чертей: «А мне бы только вернуться к своему народу нартовскому, больше мне ничего не нужно от вас» [11, с. 159].

И. Джанаев и вслед за ним Л. Семенов отмечали и другую особенность осетинских сказаний. Если в греческих и других известных эпосах обычно повествуется о каком-нибудь одном центральном событии: например, в «Илиаде» воспевается гнев Ахиллеса, а в «Одиссее» «рассказывается о том многоопытном муже, который, странствуя долго, многие города мира посетил и обычаи видел» и т. д., то в сказаниях о нартах наблюдается другая картина. В них изображается жизнь нартовского народа во всей ее полноте и многообразии (Семенов, 1994. С. 393). В дополнение к сказанному отметим: в осетинском эпосе помыслы всех героев эпоса (и не только нарты Сослана), их действия предприни-

маются во благо родного народа, защиты его от недругов, неприятелей.

Сопоставительным анализом вариантов нартовских сказаний занимался фольклорист-нартовед Г.З. Калоев. Отмечая специфические особенности осетинских сказаний, он писал: «Важной чертой осетинского нартовского эпоса является обилие самостоятельных сюжетов, четкость композиции, преобладание действия, динамики над описанием и риторикой, отсутствие лирических отступлений и сложных поворотов, простота и предельная лаконичность стиля, несложный синтаксис, простота фразы и т. п.». «Перечисленные черты стиля и языка, – утверждал ученый, – заметно отличают нартовский эпос осетин, например, от кабардинского, для которого характерна более распространенная манера изложения, орнаментальность повествования, сложность поэтики и конструкции языка» [9, с. 114]. Им были выявлены значительные расхождения в описании нартовских реалий, обычаев, бытовых черт народов, которые в осетинском варианте выступают как осетинские, в кабардинском – как кабардинские и т. п. «Только так оно должно и быть, – замечал исследователь, – ибо нартовский эпос был всегда жизненным, запечатлевшим окружающую действительность, реальную жизнь данного народа, создателя той или иной версии эпоса» [9, с. 115].

Эти и другие особенности нартовских сказаний осетин были подвергнуты дальнейшему анализу в нартоведческих исследованиях В.И. Абаева. Ученый считал, что осетинские нартовские сказания имеют много общего с другими версиями Нартиады. Это вполне логично, ибо речь, по существу, идет об одном эпическом произведении с общей и единой концепцией. Он писал: «Особого рода межнациональную ареальную общность образовал нартовский эпос на Кавказе у населяющих его народов осетин, адыгов (кабардинцев, черкесов, адыгейцев, абадзехов и др.), абхазов, балкарцев, карачаевцев, чеченцев, ингушей. Здесь речь идет уже не о сходстве отдельных мотивов или сюжетов, а об общей основе эпического инвентаря, о тождестве главных героев, об общем наименовании героев «Нарт» [1, с. 209]. При этом он подчеркивал, что «факт существования многонационального эпического цикла у народов Кавказа следует в значительной степени объяснять именно особой теснотой и интимностью существовавших между ними культурных связей» [2, с. 295]. Национальные варианты эпоса все время обогащались и пополнялись за счет местного фольклорного фонда.

В то же время, при всей близости сказаний, каждый из вариантов имеет свои особенности. У каждого народа Кавказа нартовские сказания сохранили черты глубокого своеобразия и самобытности, вытекающие как из исторической обстановки (в которой формировался народ), так и своеобразия традиционной культуры народа. Это своеобразие ярко проявляется при сопоставительном анализе

наиболее изученных осетинско-кабардинских нартвовских параллелей. В чем же их отличие друг от друга?

Героические нартвовские сказания сложились у осетин и адыгов в рамках двух общественно-экономических формаций: первобытно-общинно-родовой и феодальной. Но разный уровень общественного развития носителей эпоса на этапах зарождения и развития эпического произведения наложил на них свой отпечаток.

Осетинские нартвовские сказания отражают типичную бесклассовую стадию развития родового строя и военной демократии; налет феодальных порядков на них лишь позднейший и неглубокий. У каждого народа сказания сохраняют черты глубокого своеобразия и самобытности. Сравнивая осетинские сказания с кабардинскими, В.И. Абаев писал: «Достаточно прочесть пару-другую сказаний, чтобы стало очевидным: нет, это не феодальный эпос, феодализм говорит совсем другим языком» [4, с. 111]. Расхождения осетинских и кабардинских сказаний ученый обнаружил при сравнении сказаний с одним и тем же сюжетом: «насколько первые (кабардинские. – Л. Ч.) многословны, риторичны, богаты условно украшающими элементами, настолько последние (осетинские. – Л. Ч.) лаконичны, строги и скупы на украшения» [2, с. 111]. Развивая эту мысль, Василий Иванович подчеркивает, что в осетинских сказаниях нашли отражение факты, характерные для родового строя и военной демократии. «Возникнув в условиях родового строя с яркими пережитками матриархата, нартвовский эпос за долгую историю своего бытования эволюционировал и вбирал в себя элементы последующих общественных формаций и соответствующей идеологии: военной демократии, феодализма. В основных циклах особенно ярко выступают черты военной демократии с ее культом ратной доблести и героизма, жадой дальних походов и боевых подвигов. Институт государства незнаком нартвовскому обществу, так же как Калевале» [4, с. 262].

Что касается кабардинских сказаний, то в них наблюдается обратное явление. В отличие от осетинских сказаний, в кабардинском нартвовском эпосе положение с феодальными отношениями другое, ибо кабардинский нартвовский эпос – продукт феодальной эпохи. В.И. Абаев верно отмечал, что у кабардинцев феодализм достиг высокого уровня развития. У осетин же феодальные отношения были слабо выражены; отсюда проистекает большая разница между осетинскими и кабардинскими вариантами, налет на кабардинский эпос родовых порядков незначительный. Разный уровень общественного развития привел к существенным отличиям кабардинских сказаний от осетинских, выявил их разительное своеобразие и самобытность. «Я беру на себя смелость утверждать, – писал ученый, – что безошибочно отличил бы в переводе кабардинский вариант от осетинского, если бы даже не было никаких внешних ориентиров: собственных

имен и прочее – настолько отлично и своеобразно их построение, стиль, фактура, художественно-изобразительные средства» [1, с. 292].

Между тем сказания разнятся не только по содержанию, но и по форме. Осетинским сказаниям свойственны лаконизм, простота, известная даже экономность и бедность художественно-изобразительных средств. И Абаев вскрывает причины этой бедности: «Бедность эта, разумеется, – явление не случайное, составляющее особенность тех или иных сказителей или народа в целом. Это – бедность и примитивность той общественной формации, которая поразила эпос. Это – бедность древних охотников и воителей, которые в духовной пище, как и в материальной, привыкли к здоровой простоте и невзыскательности». И далее. Бедность эта не только не снижает художественного впечатления, но, напротив, дает ту ценность и законченность, которая создается только полным соответствием формы и содержания. Богатство может быть уродливым и безвкусным, а бедность – сильной и красивой.

Что касается кабардинских, то им «свойственны склонность к изысканности, условно украшающим элементам» [1, с. 297]. Это и понятно. «Обстановка феодального двора, где соревнующиеся профессиональные певцы изоощряются перед своим высокопоставленным покровителем, порождает ту изысканность стиля, ту перегрузку художественных средств, нередко в ущерб сюжетной динамичности и содержательности, которые немислимы в суровой обстановке родового быта, где певец, он же воин, он же старший в семье или в роде, поет о героях не для избалованного слуха феодала, а для своей же молодежи, для таких же простых воинов и членов рода, как он сам» [2, с. 112].

Эти особенности кабардинских сказаний (налет феодальных порядков) нашли отражение и в некоторых осетинских сказаниях, в частности записанных братьями Джантемиром и Гацыром Шанаевыми. Подметив их, Абаев пишет: «Любопытно, что суждения о феодальной структуре нартвовского общества (осетин. – Л. Ч.) основываются главным образом на записях братьев Шанаевых. Между тем относительно этих записей можно с несомненностью утверждать, что они подверглись кабардинскому влиянию. Это влияние сказалось не только на содержании, но и на форме сказаний. Мы находим в них совершенно несвойственные осетинским вариантам длинноты, чуждые осетинскому эпическому стилю эпитеты, как «снежнобородый», «железноглазый» и т. п.» [3, с. 92]. На еще одну особенность осетинских сказаний обратил внимание Василий Иванович: в них «очень мало так называемых «общих мест» и трафаретов, которыми так изобилуют некоторые другие эпосы и которые накладывают на них известный отпечаток схематизма».

Исследуя вопросы общего и особенного в эпическом произведении, вопросы общности и близости фольклора у разных народов, условия появления в

нем сходных элементов, В.И. Абаев рекомендовал иметь в виду следующие четыре причины.

Первая причина – генетическое родство, наличие сходных элементов складывается, когда носители эпоса наследуют его «от тех времен, когда эти народы жили еще вместе и составляли один народ». Второй причиной ученый называет субстрат, который, по его словам, надо учитывать при объяснении общих элементов в фольклоре народов Кавказа. Третьей причиной Абаев называет «типологическое единство, связанное со спецификой фольклора как формой общественного сознания, ибо «одинаковые условия материального и общественного существования с необходимостью порождают одинаковые формы». И наконец, четвертое обстоятельство появления сходных элементов в фольклоре – это «заимствование одного народа у другого в результате длительного соседства, общения и культурного обмена» [1, с. 292–296].

Из перечисленных причин вторая, третья и четвертая, безусловно, имеют отношение к нарттовскому эпосу; они сыграли определенную роль в появлении общих элементов в разных национальных вариантах нарттовских сказаний. Что касается первой причины, то она не срабатывает по отношению к Нартиаде, ибо отсутствует генетическое родство между всеми носителями эпоса. Здесь и нестыковка данных языка, принадлежность к разным языковым семьям (индоевропейская, кавказская и тюркская).

Между тем в условиях Кавказа четвертая причина оказалась определяющей, ибо, как свидетельствуют данные смежных исторических и филологических дисциплин, «общение между народами Кавказа было с давних пор весьма тесным, живым и интимным. Ни различия языка, ни высокие горные хребты и труднопроходимые ущелья не служили препятствием к тому, чтобы посещать друг друга, узнавать друг друга, делиться своим культурным достоинством». И далее ученый пишет: «Парадоксальный на первый взгляд факт существования многонационального эпического цикла у народов Кавказа следует в значительной степени объяснять именно особой теснотой и интимностью существовавших между ними культурных связей. Народы Кавказа создали общий для них эпос именно потому, что жили единой культурной жизнью» [1, с. 295].

В.И. Абаевым обращено внимание и на такую особенность осетинских нарттовских сказаний, как почти отсутствие в них лирического элемента.

Нарттовские сказания существуют в двух формах. В одних национальных вариантах превалирует поэтическая форма, в других – повествовательная. В превалировании поэтической формы в балкарских и карачаевских сказаниях балкарский нартовед М. Джуртубаев видит выдающуюся их особенность как одно из доказательств возникновения ядра эпоса в карачаево-балкарской среде [7, с. 314–318], что далеко от истины.

Обе формы сказаний (поэтическая и повество-

вательная) существуют в осетинской действительности, о чем свидетельствует и двойное название сказаний: нартты кадджытæ (нарттовские сказания) и нартты таурæгътæ (нарттовские рассказы). При этом под «кадджытæ» подразумеваются сказания, исполняемые сказителем-музыкантом, играющим на национальном фандыре. Поистине, красоту эпоса можно понять, лишь слушая песнь сказителя, ибо музыка – составная часть души нарттовского эпоса. Имел место еще вариант, когда сказитель сочетает рассказ с пением. О том, какое значение придавалось исполнению сказания на музыкальном инструменте, Туганов писал: «В старину на народные празднества стекались лучшие силы со всех концов Осетии, устраивалась настоящая (говоря современным языком) олимпиада. Лучшие сказители, представители разных ущелий, рассказывались на игорном поле и один за другим состязались в содержательных, лучших напевах и пересказах нартских сказаний. Играли они чаще всего на «хъысынфандыре», реже на двенадцатиструнной («дыууадæстæнон») арфе. Музыкальный мотив каждого сказания о каждом герое был строго определен» [10, с. 134].

В подавляющем большинстве случаев у осетин сказания сохранились в прозаической форме, ибо из далеко неполного списка сказителей (345 человек) от 315 сказителей сказания записаны без музыки, и лишь в 30 случаях – с музыкальным сопровождением [12, с. 154–157]. «Напевы нарттовских сказаний, – писала К.Г. Цхурбаева, – являются тем неотъемлемым и важным элементом, который в каждом данном случае сообщает текстам определенную ритмическую и композиционную оформленность. К тому же именно напевы наиболее полно отражают эмоциональную сферу повествования, без которой сказания теряют одно из лучших своих свойств» [13, с. 134].

Из всех сказаний с музыкальным сопровождением наиболее совершенной считается «Песнь о нарте Ацамазе» на дигорском диалекте осетинского языка, записанная в 1911 г. М. Тугановым. Вот что писал о нем В.И. Абаев: «Пронизанная с начала до конца солнцем, радостью и песней, отличающаяся, несмотря на свой мифологический характер, яркостью и рельефностью психологических характеристик и живостью бытовых сцен, полная образности, соединенной с непогрешимым чувством меры. Изящно простая по форме, эта «Песнь» может быть названа по праву одной из жемчужин осетинской народной поэзии» [3, с. 65].

Между тем, как отмечено выше, большинство сказаний у осетин сохранились в повествовательной форме (таурæгътæ), записаны без музыкального сопровождения. Причиной тому не скудость музыкальных способностей народа, а объективные обстоятельства. Большинство сказаний сохранилось в повествовательной форме, во-первых, потому, что не все сказители умели играть на фандыре. Другая причина, не менее важная: при исполнении

сказания пением подробная его запись с важными нюансами делается невозможной, ибо в ту пору еще отсутствовали технические средства записи. Поэтому, как пишет В.И. Абаев, «большинство записывающих сами просят сказителя не петь, а рассказывать, так как в последнем случае сказителя можно останавливать, переспрашивать, просить повторить, что при пении совершенно исключается» [2, с. 114].

В.И. Абаев подробно исследует и особенности художественного стиля нартских сказаний. В нижеследующей цитате дана объемная характеристика всего того, что объединяется в понятие «художественный стиль осетинской Нартиады». «Общая композиция сказаний проста и легко обозрима, без отступлений и запутанных поворотов. Синтаксис несложен; преобладает простая фраза; сложноподчиненные конструкции избегаются. Описания скупы до сухости. Диалог лаконичен. Действие, динамика решительно преобладают над описанием и риторикой. Характеры героев раскрываются в действии, в поступках, а не эпитетах, оценках и характеристиках. Автор обычно сохраняет невозмутимый объективизм. Украшающие эпитеты и сравнения ограничены и не грешат чрезмерной изысканностью. Образы большей частью реальны, т. е. лишены условности, и в пользовании ими соблюдается величайшее чувство меры. Язык сжатый, как бы стянутый, но в то же время богатый, упругий, полновесный и меткий» [2, с. 112].

Характеристика особенностей и достоинств осетинских сказаний, данная В.И. Абаевым, разделяется М.Ч. Джуртубаевым, который высоко оценивает художественные достоинства осетинской Нартиады, богатство ее сюжетов, обилие антропонимов, этнонимов и топонимов, объем накопленного материала. «Читая дореволюционные записи и публикации осетинского эпоса, — отмечает исследователь, — можно только восхищаться не только их объемом, но и отношением первых его собирателей к своей деятельности, являя пример для подражания будущим поколениям фольклористов. Благодаря своевременной и добросовестной фиксации, осетинские сказания изобилуют этнонимами, топонимами, этнографическими деталями, выделяются они и богатством фольклорных мотивов и сюжетов. Следует отметить и красноречие осетинских сказителей, которыми они награждают и своих героев, что особенно бросается в глаза при сравнении с остальными версиями Нартиады. Мы несколько не преувеличим, если скажем, что объем прямой речи в 15–20 осетинских текстах равен объему прямой речи во всем карачаево-балкарском, или адыгском, или вайнахском эпосах» [8, с. 311].

В.И. Абаев подчеркивает и следующую характерную особенность осетинских сказаний: «Необыкновенная живучесть нартского эпоса находит свое объяснение прежде всего в том, что в нем, в его образах и картинах народ действительно ви-

дел, сквозь фантастическую оболочку, самого себя, свою доподлинную жизнь, свой душевный склад, свои достоинства и недостатки» [2, с. 109].

Существенным элементом нартских сказаний осетин Дюмезиль, Абаев и другие нартведы считали юмор. «При всем трагизме основных конфликтов нет в них однообразной сумрачности скандинавской Эдды или ирландских саг. Эпизоды, насыщенные высоким драматизмом, такие как смерть Ахсара и Ахсартага, гибель Сослана, гибель Батраза, сказание о безымянном сыне Урузмага, бой Сослана с Тотрадзом, борьба Сыбалца с сыновьями Соппара и др., перемежаются с эпизодами, где выступают элементы комические; таковы все сказания цикла Сырдона, а также ряд эпизодов из других циклов: комический элемент силен в таких эпизодах, как развод Урузмага с Сатаной, Урузмаг и циклоп, последний балц Урузмага и Сослан и Мукара, Батраз и сын Кривого великана и др. При этом драматическое сочетается с комическим и анекдотическим весьма искусно, не механически, а органически» [2, с. 110–111]. Особенно бесподобна удивительная фигура одного из выдающихся и колоритных персонажей осетинских сказаний — хитроумного Сырдона. Как писал Ж. Дюмезиль, в сказаниях соседних кавказских народов, «которые заимствовали у осетин нартские сказания, судьба Сырдона оказалась различной». У карачаевцев фигурирует среди других нарт (Сосруко, Рачикау, Сибилчи) под именем Ширдон, но без индивидуальных черт». И далее: «Черкесам он также не знаком. У кабардинцев некоторые черты характера осетинского Сырдона перешли к самому Сосруко (у них он скорее хитрец и волшебник, нежели богатырь). Как видно, в других версиях Нартиады, аналог Сырдона или вовсе отсутствует или изображается его бледная тень. Если добавить к сказанному, что и самое имя «Сырдон» осетинского происхождения, то несомненным становится проникновение образа Сырдона от осетинских сказаний в другие версии эпоса» [14, с. 203]. В целом, как отмечено Абаевым, в осетинских сказаниях «юмор является больше, чем в каком-либо другом из мировых эпосов (...). Выносишь такое представление, что юмор был в высокой степени свойствен народу, создавшему этот эпос» [2, с. 111].

В.И. Абаевым и его последователями установлено, что представление об едином эпосе складывается при наличии у него следующих отличительных признаков.

Начнем с мифологических истоков. Хотя начало формирования эпоса специалистами определено I тыс. до н. э., однако благодаря сравнительно-эпическим параллелям его истоки глубоко мифологичны и восходят ко времени не позже сер. II тыс. до н. э. (параллели Рай — Сослан, Ромул и Рем — Ахсар и Ахсартаг и др.), сохраняя следы тотемизма и других ранних форм религии.

В сравнении с другими версиями осетинские на-

ртовские сказания наиболее объемны и отличаются богатством сюжетов. «Говоря о художественных достоинствах нартского эпоса, нельзя не отметить в нем большого сюжетного богатства и разнообразия. Общее количество самостоятельных сюжетов превалирует за сотню, и мы не видим, чтобы они в какой-нибудь мере повторяли друг друга. Напротив, не только каждый цикл имеет свой отпечаток, но и внутри цикла сюжеты имеют разнородный характер» [2, с. 110]. В последнем семитомном издании нартских сказаний осетин, подготовленном к печати Ш. Джикаевым и Т. Хамицаевой, общее количество сказаний с вариантами превышает 800 и составляет 280 авторских листов. При этом значительная часть сказаний имеет множество вариантов («Сказание о безымянном сыне Урузмага» – 23). Утверждения некоторых нартоведов, которые видят относительное богатство осетинских сказаний в современной и лучшей организации их сбора и записей, не выдерживают критики.

Наконец, как отмечено В.И. Абаевым, нартские сказания отличаются не только национальными вариантами; особенности имеют место и внутри каждого из вариантов эпоса. В частности, в осетинских сказаниях наблюдаются различия в иронских и дигорских вариантах. Обратив внимание на одну из таких особенностей, В.И. Абаев писал: «Дигорские кадаги имеют более строгую и выдержанную форму, чем иронские. Силлабический принцип – слогов в стихах – в них почти не нарушается» [2, с. 116].

Нартские сказания – кровь и плоть осетинского народа. Об этом писали многие нартоведы. Сошлемся хотя бы на М. Туганова, который утверждал: «...сомневаться в том, что сказания о нортах чисто осетинского происхождения, безусловно, не приходится. Характер передачи сказаний и обрисовка действующих героев, их обычаи, жизнь нартов от колыбели и до смерти, с их радостями и горем, комизмом и трагедией – все это чисто осетинское. Фантазия осетина их родила, с ними жила и им же дала соответствующий конец» [10, с. 371]. В унисон сказанному об осетинской плоти и крови нартов звучат и слова В.И. Абаева: «Трудно убедить простого горца в том, что нартов не существовало в действительности. Он готов согласиться, что многие подвиги и приключения нартских героев – вымышлены, но чтобы самих этих людей, таких живых, таких рельефных, как бы выточенных из целых глыб, можно было бы выдумать «из головы» – этого он никак не может допустить» [1, с. 219]. В.И. Абаеву же принадлежит научно-обоснованное заключение о первоначальном ядре формирования нартских сказаний. Эта проблема по-прежнему вызывает острые дискуссии среди нартоведов. Несмотря на признание В.И. Абаевым существования нескольких центров формирования нартских сказаний, его мнение о принадлежности первоначального ядра эпоса остается неизменным.

«1. Истоки эпоса ведут к легендам североиранских племен скифов, сарматов, алан.

2. В эпосе распознаются ареальные встречи, контакты и взаимодействие с фольклором других народов: европейских (скандинавов, славян, кельтов, предков италиков) и тюрко-монгольских народов Кавказа» [3, с. 79].

Это заключение выдающегося ученого пытаются оспорить некоторые наши коллеги из соседних республик. Они прилагают немало усилий к тому, чтобы опровергнуть скифо-аланское ядро возникновения и формирования нартских сказаний, доказать, что творцами эпоса являются одни лишь предки современных коренных народов Кавказа. Наиболее четко и определенно эта позиция представлена в последних работах проф. Гутова, который старается нивелировать все основные особенности осетинских нартских сказаний. Опровергая научно аргументированные положения В.И. Абаева и его сторонников, Готов пишет: «Ни центральные герои эпоса, ни наиболее типичные нартские сюжеты не имеют таких параллелей в поэзии и мифологических сюжетах некавказских народов, ссылаясь на которые можно было бы с полной уверенностью утверждать вероятность проникновения в сознание местной среды, иноязычной и самобытной по своей культуре, целого комплекса эпических сюжетов и образов, достаточных для «имплантации» такого масштабного феномена, как многосюжетный и многоциклический эпос» [5, с. 96]. В другом месте той же работы Готов более определенно утверждает: «Ни архаичность формы, ни богатство сюжетов, ни художественное совершенство текста сами по себе не могут быть критериями при установлении национального приоритета в нартском эпосе». Недостойными внимания Готов считает также этимологические штудии и свидетельства иностранных авторов (камень в огород Дюмезиля) и сравнительно-сопоставительные исследования в области сюжетики, ономастики, типологии и генезиса мотивов и циклов [5, с. 92]. Короче, все перечисленные критерии: мифологические истоки, архаичность форм, ареальные связи, художественное совершенство текстов, сюжетное богатство, состояние цикличности и другие, по Готову, недостаточны, чтобы определить национальный приоритет эпоса. Между тем фольклористике неизвестны другие критерии для определения национального приоритета эпоса.

Своеобразие осетинских сказаний в том, что все перечисленные выше особенности (признаки) в совокупности характерны для осетинской Нартиады. Иными словами, эпос со всем эпическим инструментарием, со всеми циклами, увязывающимися с родством, от начала до конца, полностью сохранился только у осетин и не встречается в других национальных версиях. Это одна из характернейших особенностей осетинских нартских сказаний, что трудно признать сторонникам субстратно-кавказского происхождения эпоса (полицентризм) [14, с. 350–355].

ЛИТЕРАТУРА

1. Абаев В.И. Избранные труды. – Владикавказ, 1990.
2. Абаев В.И. Нартовский эпос // Известия СОНИИ. – Дзауджикау, 1945. Вып. X.
3. Абаев В.И. Нартовский эпос осетин. – Цхинвал, 1982.
4. Абаев В.И. Осетинский язык и фольклор. – М.-Л., 1949.
5. Готов А.М. Нартский эпос: традиция и современность. – Нальчик, 2009.
6. Джанаев И.В. Сказания о нартах. – Орджоникидзе, 1941.
7. Джуртубаев М.Ч. Происхождение нартского эпоса. – Нальчик, 2008.
8. Дюмезиль Ж. Осетинский эпос и мифология. – Владикавказ, 2001.
9. Калоев Г.З. Нартский эпос осетин // Нартский эпос. Сборник статей. – Орджоникидзе, 1957.
10. Махарбек Туганов. Литературное наследие. – Орджоникидзе, 1977.
11. Сказания о нартах. Осетинский эпос. – М.: Советская Россия, 1978.
12. Хамцаева Т.А. Сказители нартского эпоса // Нарты Осетинский героический эпос. – М., 1991. Кн.3.
13. Цхурбаева К.Г. О напевах осетинских нартских сказаний // Нарты. Осетинский героический эпос. – М., 1991. Кн.3.
14. Чибиров Л.А. Осетинская Нартиада. Мифологические истоки и ареальные связи. – Владикавказ, 2016.

REFERENCES

1. Abaev V.I. Izbranny'e trudy'. – Vladikavkaz, 1990.
2. Abaev V.I. Nartovskij e`pos // Izvestiya SONII. – Dzaudzhikau, 1945. Vy`p. X.
3. Abaev V.I. Nartovskij e`pos osetin. – Czxinval, 1982.
4. Abaev V.I. Osetinskij yazy`k i fol`klor. – M.-L., 1949.
5. Gutov A.M. Nartskij e`pos: tradiciya i sovremennost`. – Nal`chik, 2009.
6. Dzhanaev I.V. Skazaniya o nartax. – Ordzhonikidze, 1941.
7. Dzhurtubaev M.Ch. Proisxozhdenie nartskogo e`posa. – Nal`chik, 2008.
8. Dyumezil` Zh. Osetinskij e`pos i mifologiya. – Vladikavkaz, 2001.
9. Kaloev G.Z. Nartskij e`pos osetin // Nartskij e`pos. Sbornik statej. – Ordzhonikidze, 1957.
10. Maxarbek Tuganov. Literaturnoe nasledie. – Ordzhonikidze, 1977.
11. Skazaniya o nartax. Osetinskij e`pos. – M.: Sovetskaya Rossiya, 1978.
12. Xamiczaeva T.A. Skaziteli nartovskogo e`posa // Narty` Osetinskij geroicheskij e`pos. – M., 1991. Kn.3.
13. Czxurbaeva K.G. O napevax osetinskix nartovskix skazanij // Narty`. Osetinskij geroicheskij e`pos. – M., 1991. Kn.3.
14. Chibirov L.A. Osetinskaya Nartiada. Mifologicheskie istoki i areal`ny`e svyazi. – Vladikavkaz, 2016.

